

2. *Buczyński, V.* Institutiones philosophicae, pars prima continens logicam cum praevia in universam philosophiam introduction / V. Buczynski. – Viena, 1843. – 159 p.

3. *Angioloni, G.* Institutiones philosophicae ad usum studiosum Academiae Polocensis. – Polotsk, 1819. – 310 p.

4. *Buczyński, V.* Institutiones philosophicae, pars secunda continens metaphisicam / V. Buczynski. – Viena, 1844. – 302 p.

5. *Симчик, М. В.* Philosophia rationalis у Києво-Могилянській академії: компаративний аналіз могилянських курсів логіки кінця XVII – першої половини XVIII ст. / М. В. Симчик. – Вінниця: О. Власюк, 2009. – 238 с.

6. Logic [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ewtn.com/catholicism/library/logic-10604>. – Date of access: 20.02.2024.

7. Thomas Aquinas Summa theologiae / Thomas Aquinas. Date of access: 21.02.2024. Mode of access: <https://aquinas.cc/la/en/~ST.I-II.Q8.3>.

8. *Вдовина, Г. В.* Язык неочевидного. Учение о знаках в схоластике XVII в. / Г. В. Вдовина. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. – 648 с.

(Дата подачі: 27.02.2024 г.)

Я. А. Коховец

Белорусский государственный университет, Минск

Y. Kakhavets

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЗАРОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ГНОСТИЦИЗМА

SOCIOCULTURAL CONTEXT OF THE ORIGIN OF CHRISTIAN Gnosticism

В статье произведен обзор историко-культурного и социально-философского контекстов возникновения и распространения гностицизма в Римской Империи в I–II вв. Осуществлен анализ политэкономических изменений в римском обществе этого периода и выявлено их влияние на формирование гностической мысли. Проведены историко-философские параллели ситуаций философствования в Римской Империи первых веков нашей эры и современности, а также выдвинуты аргументы в пользу актуальности изучения гностицизма как глубоко экзистенциальной концепции присущей злободневной ситуации антропологического кризиса.

Ключевые слова: гностицизм; экзистенциализм; Римская Империя; колонат; Рим; эллинизм; античность; антропологический кризис; Александрия; стоицизм; неоплатонизм; индивидуализм.

The article provides an overview of the historical, cultural and socio-philosophical context of the emergence and spread of Gnosticism in the Roman Empire in the I–II centuries. The

analysis of political and economic changes in Roman society of this period and their influence on the formation of Gnostic thought is carried out. Historical and philosophical parallels of the situations of philosophizing in the Roman Empire of the first centuries of our era and the present are drawn, and arguments are put forward in favor of the relevance of studying gnosticism as a deeply existential concept inherent in the topical situation of the anthropological crisis.

Keywords: Gnosticism; Existentialism; Roman Empire; Columnism; Rome; Hellenism; Antiquity; Anthropological Crisis; Alexandria; Stoicism; Neoplatonism; Individualism.

Гностическая и экзистенциальная диалектики в своей оптике на положение человека в этом мире сходятся в двух ключевых аспектах: «среднестатистический» человек живет неполным бытием, он слишком отвлечен от истинного бытия шумом окружающей его бытовой действительности, что в свою очередь отчуждает его от самого себя; заброшенный в этот мир, человек не является законченным, т. е. ставшим, осуществившимся, он лишь проект, реализация которого лежит в зависимости от готовности принятия ответственности и решимости взглянуть в глаза собственной ущербности и неполноты (смертности).

Так, отчужденность, ущербность, одиночество, неполнота становятся общими типичными негативными свойствами человеческого существования для обеих систем мысли. При этом выход из такого скорбного положения также зависит от самого человека, от его осознанности и готовности выйти из сферы обыденной неподлинности своего существования, где за гностической аллегорией, за «жемчужиной» души прячется экзистенциальная целостность человека, его самость.

Интерес вызывает то, как разделенные без малого двухтысячелетним промежутком времени мыслители были солидарны не только в выборе терминологии для описания мира и человека в нем (страх, ужас, заброшенность), но и проявляли единодушие в возможности и способе преодоления этого состояния, что, в свою очередь, позволяет поставить вопрос о том, было ли появление христианского гностицизма и экзистенциальной философии вызвано схожими историческими процессами или являются уникальным для мировой истории примером философской рефлексии над объективными обстоятельствами. Нас интересует вопрос о том, что являлось нервом эпохи, помимо общей христианской базы, который побудил философов к подобным друг другу формам мышления и чувствования жизни, ведь «вместе с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит одновременно и переворот в воззрениях и представлениях людей» [1].

Прежде всего, для анализа социокультурного контекста возникновения гностицизма следует обратить внимание на социально-экономическое положение жителей Римской империи, которое характеризовалось сохранением рабовладельческой системы в производстве, усилением налогового гнета и зарождением предпосылок к формированию феодализма.

Рабство первых веков имело свои отличительные черты, такие как рост рабов, рожденных в доме (*vernae*), по отношению к купленным, и появ-

ление рабов *casati*, которые проживали на отдельно выделенном участке и имели большую личную свободу, уже более похожую на положение крепостничества.

Большую роль в социально-экономической жизни Империи играла такая форма производственных отношений, как колонат. Первоначально (2 в. до н. э. – 1 в. до н. э.) колон представлял собой мелкого арендатора земли, который пользовался землей крупного землевладельца и, привлекая своих собственных рабов, мог выступать в роли мелкого рабовладельца, однако, низкая производительность рабского труда и сокращение притока новых земель и рабов после правления императора Траяна привели к упадку и разорению колоната. Со второго века нашей эры колон потерял связь с рынком и производственную самостоятельность, для него устанавливалась арендная плата, которая теперь зависела от доли урожая и могла достигать одной его трети. Помимо прочего, на бывшего арендатора налагались и некоторые натуральные повинности, такие как барщина [2, с. 444].

При этом латифундии крупных рабовладельцев продолжали рост за счет пропорционального роста колоната. С середины второго века наблюдается процесс упадка хозяйственной жизни. Мелкие землевладельцы быстро превращались в колонов, которые, в свою очередь, попадали в зависимость от рабовладельцев, у которых арендовали землю, что привело к замещению свободного труда рабским [3, с. 148–149]. «Таким образом, на смену основной форме эксплуатации человека человеком в античном обществе – рабству, процесс разложения рабовладельческого хозяйства подготовил другую форму эксплуатации человека человеком, которой суждено было стать основой в феодальном обществе эксплуатации крепостных крестьян» [4, с. 61].

Относительно доступным видом жилья для римского городского пролетариата были, доходившие в высоту до семи этажей, бараки – инсулы. «Иногда только кровать сдавалась просто на несколько часов – ее занимал один человек, чтобы отдохнуть, а потом постель предоставлялась следующему постояльцу» [5, с. 305]. Такая судьба ожидала тех, кто был способен оплатить временное жилье или койку в инсуле, либо же в самострое на окраине города, те же, кто не мог себе позволить и этого, находили бесплатный кров на кладбище. В частности, популярностью пользовались усыпальницы аристократов, ведь там могла поселиться целая семья. Пролетарии жили на денежные и продуктовые подачки, как знатных горожан, так и самого Рима, который ко времени правления Цезаря тратил на это около пятой части бюджета [6, с. 352]. К слову, Цезарь решил вопрос с количеством пролетариата в Риме весьма оригинальным способом: было принято решение о переселении 80 000 латинских семей в новообразованные колонии, что в дальнейшем повлияло на ускорение романизации провинций.

Однако по соседству с насчитывающими двадцать метров в высоту инсулами для бедноты располагались величественные дворцы местной аристократии. «Богатый римлянин мог не просто обрести власть, подкупая большими деньгами нужных сторонников и откровенно приобретая необ-

ходимое количество голосов на выборах, но и обеспечить защиту своих интересов – содержать хорошо вооруженную собственную армию, а не просто личную охрану» [5, с. 295]. Говоря о финансовом расслоении в Риме времен I в. до н. э., уместно привести цитату немецкого историка Теодора Моммзена: «Нигде, быть может, не было более неравномерного распределения капиталов, чем в Риме последних лет республики. Людей среднего состояния здесь совершенно не встречалось, были лишь миллионеры и нищие, и первых было не более 2000 семей. Богатый человек, проматывающий плоды труда своих рабов или отцовские капиталы, неизменно пользовался почетом, а человек, честно зарабатывавший себе пропитание трудом, находился в презрении... Бедность считалась единственным пороком, почти преступлением» [6, с. 359].

При Октавиане Августе (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) происходит становление системы принципата, при которой, фактически, граждане Рима лишаются своих прав на участие в управлении государством, формализуется иерархическая структура чиновничьего аппарата. Государство отчуждалось от человека, политика становилась уделом императора, чиновников и бюрократического аппарата.

Период с 96 по 192 годы вошли в римскую историю как «золотой век Антонинов» и эпоха правления пяти хороших императоров (Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий). Именно в это время происходит наибольшая романизация и эллинизация провинций, распространение латинского права, культуры и языка. Тацит писал, что во время принципата Нервы (96–98 гг.) и владычестве Траяна (98–117 гг.) наступили «... годы редкого счастья, когда каждый мог думать, что хочет, и говорить, что думает» [7, с. 444].

В культурной жизни империи I–II вв. выделяются такие авторы, как Лукан, Марциал, Ювенал, Апулей и Сенека. Свои научные труды пишут Плиний Старший («Естественная история»), Корнелий Тацит («История»), Плиний Младший («Похвальное слово императору Траяну»), Плутарх («Моралии»); Птолемей развивает геоцентрическую систему, а Гален доказывает, что источником человеческой деятельности является не сердце, а мозг.

Вместе с распадом полисной системы как религиозному, так и философскому коллективизму малых общин приходит глобальный имперский индивидуализм, проявивший себя в эллинистической философии.

Стоицизм раба Эпиктета емко формулируется в утверждении, что все люди между собой равны, а социальные порядки являются неизбежной необходимостью. Марк Аврелий в своей философии проповедует отречение от внешнего мира и перенос внимания на субъективные переживания индивида [8, с. 155]. Фактически поздняя стоя выступает в качестве реакционного, идеалистического учения, представляя собой моральное оправдание классово господства рабовладельцев над рабами, ведь «рабство и свобода – моральная, а не социальная категория. Одни люди, независимо от со-

циального своего состояния, рождаются и продолжают оставаться рабами по духу, другие же всегда нравственно свободны» [9, с. 457].

Продолжает свое развитие античный скептицизм, утверждающий принципиальную непознаваемость истины. Агностицизм скептиков обусловлен учением о контекстуальности чувственного восприятия, не позволяющего выдвигать конструктивные мнения об окружающей действительности, то же касается и нравственных законов. Скептицизм периода I–II вв. способствовал распространению иррационализма, а отрицание силы разума и существования объективных закономерностей в мире открыло дорогу мистике и магическому мышлению.

Религиозная обстановка в Риме периода перехода к империи и становления принципата отличалась крайней степенью синкретизма, увлечением восточными религиями и культами, распространение которых началось еще в конце III в. до н. э., являясь прямым следствием завоеваний и религиозной политики Александра Великого: «Это было время, когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическая смесь грубейших суеверий самых различных народов безоговорочно принималась на веру и дополнялась благочестивым обманом и прямым шарлатанством» [10]. Апокалиптические ожидания стимулируют мессианство, тем самым смещая локус внимания с ущербного положения в этом мире на «жизнь будущего века».

К самым распространенным культам можно отнести культ Великой Матери, культ Митры, Кибелы, Изиды и Сараписа, а также молодое христианство. В качестве квинтэссенции магического мышления выступает ворох алхимических и астрологических культов, а также откровенно оккультный герметизм. Тем не менее главным формальным культом был культ императора, следование которому служило прямым маркером лояльности.

Интересно, что раннее христианство, выступавшие изначально как религия беднейших слоев общества, ожидающих второго пришествия мессии, который покарает врагов, учинит страшный суд и устроит тысячелетнее царство, постулировало отказ от материальных благ: «...удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» [Мф. 19:24], но с течением времени христианство, оформляясь в церковь, теряет революционный пыл, приобретая иерархию и догматизм, постепенно превращаясь из «иудейской секты» в государственную религию Римской империи, выражая большую лояльность действующей власти.

К попыткам сращивания еврейской и греческой философии можно отнести учение Филона Александрийского, который трактует иудаизм через оптику философии платонизма, пифагореизма и стои. В концепции Филона происходит принципиальное онтологическое разделение божественного и материального. Между этими природами Филон помещает опосредующее звено в виде божественного Логоса. Логос есть одновременно и сила, и ангел, и ипостась Бога, не являясь при этом самим Богом. Человек в такой системе становится местом встречи невыразимого совершенного разума,

облаченного в чувственную душу и материальное бренное тело. Истинное познание мира возможно только при помощи бога и его откровения, которое даруется экстатически.

В первой половине III в. сходную с гностической структуру мысли можно найти в современном гностицизму александрийском неоплатонизме. В «Эннеадах» Плотина мы видим такие характерные для гностицизма элементы, как система эманации, через которую становление бытия происходит в порядке уменьшающегося совершенства; дуализм идеального и материального; невозможность выражения сущности единого Абсолюта; гипостазирование мира на идеальный, психический и материальный и экстатическая теория познания, к которому способны истинные пневматики. Неоплатонизм содержит в себе практически буквальное описание гностической космологии и антропологии. Так же, как и в гностицизме, в нём прослеживается глубокий пессимизм и разочарование как в мироустройстве, так и в человечестве; человека здесь также сопровождает чувство одиночества.

География раннего гностицизма внутри Римской Империи весьма обширна: она охватывает Антиохию, Самарию, Александрию Египетскую и другие регионы. Однако оба самых ярких представителя гностицизма, Василид и Валентин, сведения о которых остались не только в трудах ересиологов, но и в их собственных произведениях, найденных в библиотеке Наг-Хаммади, начинали свою деятельность именно в Александрии, и уже после отправлялись проповедовать в Рим.

Александрия египетская являлась не просто мегаполисом с населением более миллиона человек, но и одним из экономических и культурно-религиозных центров всей Империи [11, с. 360]. По христианскому приданию апостол Марк основывает здесь около 42-го года епархию, которая с течением времени становится центром аллегорической «Александрийской» школы богословия, великие представители которой, такие, как Климент Александрийский и Ориген, вели активную апологетическую деятельность, фактически формируя в ней христианскую догматику.

Здесь перешагивает пятисотлетний рубеж истории один из главных центров эллинистической культуры – александрийский мусейон и функционирует одна из крупнейших и наиболее значительных библиотек древнего мира, пишут свои труды Филон и Плотин.

Весь эллинистический период город являлся главным в Египте центром переселения евреев, тем более именно Александрия становится пристанищем большого количества евреев после осады и разрушения Иерусалима во время первой (66–73 гг.) и второй (115–117 гг.) иудейских войн, что еще больше усиливает греческий антисемитизм, который проявлял себя ранее в крайних формах во время александрийского погрома 38 годов, погромов в Дамаске и Кесарии, неоднократных изгнаниях евреев из Рима. Иудеи, в свою очередь, организовывали восстания (41 и 73) годы, которые подавлялись римскими войсками, зачастую с особой жестокостью. Греческий антииудаизм проявляется в эти годы через обвинения евреев в человеческих

жертвоприношениях, людоедстве, поклонению идолу в виде ослиной головы, антиобщественности и совершении ритуальных убийств. Интересно то, что подобные же обвинения в последующем были применены по отношению к христианам самими иудеями, а уже христиане обвиняли во всем этом гностиков. Возможно, в этом прослеживается определенный повторяющийся стереотип общественной стигматизации религиозных учений.

Эллинистическая и римская Александрия является поликультурным и поликонфессиональным плавильным котлом, в котором кристаллизуется эклектизм и синкретизм гностицизма

Именно такие условия становятся благоприятными для распространения и расцвета христианского гностицизма в I–II вв. Гностицизм этого периода, будучи своеобразной, способной к симбиозу гносеологической и герменевтической матрицей, впитывает в себя чаяния эпохи и формируется в конкретных исторических условиях как попытка ответа на актуальные потребности современного ему общества и культуры. Характерными чертами гностицизма становятся антииудаизм, чуждость вещному миру, синкретизм, индивидуализм, социально-критическая направленность.

Подобные эллинистическим и античным тенденции повторяются уже в новейшее время. Первая и вторая мировые войны, глобальный передел мира сопровождающийся становлением глобального гегемона и полным разочарованием в проекте «человек», это те проблемы, с которыми человечество сталкивается в XIX в. Таким образом неклассическая ситуация философствования имеет ряд общих черт с римской античностью. К таким чертам можно отнести антропологический и аксиологический кризис, лишение широких масс трудящихся их средств производства, отчуждение труда, существование в рамках глобального мира, культурный синкретизм, отчужденность от реальной политики, разочарование в институтах демократии. Следствием всего этого становится массовый индивидуализм, подогреваемый оправдывающей доминирующую систему хозяйствования идеалистической философией «успешного успеха».

Пророчески звучат слова Теодора Моммзена о возможности повторения культурной ситуации идентичной ситуации в Римской Империи: «Если человечество суждено еще раз увидеть те ужасы, которые переживали люди около времени Цезаря, то такое бедствие постигнет род людской только тогда, когда разовьется вполне то господство капитала, семена которого заложены в цивилизации Северо-Американских Соединенных Штатов» [6, с. 361].

И гностицизм, и экзистенциализм обращают главное свое внимание на фигуру «внутреннего Человека». Гностический пневматик – тот, кто ищет себя в этом мире и собирает заново, находит себя в экзистенциализме С. Кьеркегора как «Рыцарь Веры» или у М. Хайдеггера как человек, испытывающий тоску по «подлинному» бытию. В гностицизме иррационализм поразительным образом соседствует с рационализмом, а аллегория переплетается с реальностью окружающей действительности. Для человеческого спасения необходимо познание, но оно достижимо лишь через субъектив-

ный опыт переживания чуждости объективному миру. Такое утверждение индивидуализма приводит к ревизии устоявшихся социальных, морально-нравственных устоев как чего-то являющегося продолжением угнетающей нас действительности. В истории Римской империи первых веков такая ревизия привела к кризису философии, моральному падению. Так же как и в ситуации современного антропологического кризиса, актуальной становится половая проблематика и вопрос о «гендерной» роли: «Разложение нравов выразилось и в том, что оба пола как бы стремились перемениться ролями... Женщины не только эмансипировались от власти мужа и отца, но стали вмешиваться в политические дела...и тут и там видим мы полное падение семейной жизни...» [6, с. 360].

Однако вместе с этим философия экзистенциализма, как и раннехристианский гностицизм, призывают не просто к ревизии, но к осознанному переходу человека к ответственному бытию в этом мире. Ведь где ответственность, там деятельность, а осознание своего отчужденного положения должно стать фундаментом для открытия человеком своей конструктивной «свободы для» и человеческой солидарности, а, следовательно, превращения окружающих его обстоятельств в «более человеческие».

Список использованных источников

1. *Маркс, К.* Сочинения [Электронный ресурс]: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1954–1981. – Т. 7. – 1956. – Режим доступа: <http://www.uaio.ru/marx/07.htm>. – Дата доступа: 15.02.2024.
2. Колонат // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М., 1973. – Т. 12. – С. 444.
3. *Кавалёў, С. І.* Гісторыя старажытнага свету: падручнік / С. І. Кавалёў; перакл. з рус. – Мінск: Дзярж. вучэб.-пед. выд-ва БССР, 1954. – 160 с.
4. Римское частное право: учебник / И. С. Перетерский [и др.]; под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – 441 с.
5. *Грин, И.* Легко ли быть горожанином?: как Античность и Средневековье заложили уклад повседневной жизни / И. Грин. – М.: Бомбора: Эксмо, 2023. – 492 с.
6. *Моммзен, Т.* История Рима: пер. с нем. / Т. Моммзен. – М.: Вече, 2018. – 383 с.
7. *Тацит, К.* Сочинения [Электронный ресурс]: в 2 т.: перевод / К. Тацит; отв. ред. С. Л. Утченко. – М.: Ладомир, 1993. – Т. 2: История. – Режим доступа: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1347101000>. – Дата доступа: 15.02.2024.
8. История философии: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т философии; под ред. М. А. Дынина [и др.]. – М.: Акад. наук СССР, 1957. – Т. 1 / авт. гл.: Б. М. Кедров [и др.]. – 1957. – 718 с.
9. *Машикин, Н. А.* История древнего Рима: учеб. пособие / Н. А. Машикин. – М.: Госполитиздат; Л.: Печат. двор, 1948. – 680 с.

10. *Энгельс, Ф.* К истории первоначального христианства [Электронный ресурс] / Ф. Энгельс // Agitclub.ru. – Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/front/mar/bm08.htm>. – Дата доступа: 15.02.2024.

11. *Циркин, Ю. Б.* Политическая история Римской Империи = The political history of the Roman empire: в 2 т. / Ю. Б. Циркин. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т, 2018. – Т. 1. – 463 с.

(Дата подачи: 26.02.2024 г.)

Г. А. Круглова

Белорусский государственный университет, Минск

G. A. Kruglova

Belarusian State University, Minsk

УДК 3.316-101.172

КОНЦЕПЦИЯ НООСФЕРЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

CONCEPT OF NOOSPHERE AND ECOLOGICAL CULTURE

В статье определяются место и роль концепции ноосферы в формировании ценностных ориентаций в рамках экологической культуры. Раскрывается их место в системе образования и воспитания. Показаны проблемы и недостатки технократически ориентированного образования в современных условиях. Подчеркнута значимость ценностных ориентаций для формирования новой экологической культуры.

Ключевые слова: ценностные ориентиры; ноосфера; экологическое образование; воспитание; духовная культура; общественное сознание; новая экологическая культура; экологическое сознание.

The article defines the place and role of the noosphere concept in the formation of value orientations within the framework of environmental culture. Their place in the system of education and upbringing is revealed. The problems and shortcomings of technocratically oriented education in modern conditions are shown. The importance of value orientations for the formation of a new environmental culture is emphasized.

Keywords: value guidelines; noosphere; environmental education; upbringing; spiritual culture; social consciousness; new ecological culture; ecological consciousness.

Экологические проблемы, возникшие в середине XX в. поставили перед человечеством реальную угрозу экологического кризиса, острота которого не ослабевает и в начале нынешнего века. Наряду с обострением проблем во взаимодействии общества и природы, человечество вынуждено было переосмыслить не только потребительское отношение к природным богатствам, но и собственные мировоззренческие оценки и концепции в рамках сформировавшейся экологической этики.

Особого внимания в этом плане заслуживает понятие «ноосфера», которое не было новым для науки в целом, но приобрело совершенно новое